

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'16(043.3)+81'42(043.3)

DOI: 10.17223/19986645/69/1

А.А. Баркович

РУССКО-БЕЛОРУССКАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ТРАСЯНКА: КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ И НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Рассмотрена русско-белорусская межъязыковая интерференция – малоисследованный и характеризующийся противоречивой научной рефлексией процесс, атрибутом которого является смешанная речевая практика «трасянка». Верифицированы существующие взгляды на проблематику русско-белорусской межъязыковой интерференции в контексте современного компьютерного опосредования дискурса. Выполнено социолингвистическое моделирование сферы языкового функционирования Беларуси с использованием инструментария метаформата.

Ключевые слова: русско-белорусская межъязыковая интерференция, социолингвистическая специфика, метаформат, компьютерно-опосредованный дискурс, научная рефлексия, трасянка, культуролект.

Введение

Вопросы межъязыковой идентичности смешанной речи с русскими и белорусскими элементами актуальны не только в контексте двуязычия в Республике Беларусь, где белорусский и русский являются государственными языками. Данная проблематика обладает более широкой лингвистической значимостью, касающейся вариативности и глобализации современной языковой практики в условиях нарастающего доминирования компьютерно-опосредованной коммуникации. **Объектом** нашего исследования стала русско-белорусская межъязыковая интерференция (далее – *РБМИ*), специфика которой рассмотрена в контексте компьютерного опосредования речи как статистически верифицируемого и актуального измерения функциональности языка. Выбор пути научного истолкования проблемы традиционно обусловлен метаязыковой концептуализацией цели и объекта. **Целью** исследования является **верификация** сущности **объекта** – РБМИ, установление критериев и особенностей релевантной **научной рефлексии** в контексте и средствами парадигмы компьютерно-опосредованного дискурса.

Научная рефлексия вопросов речевого функционирования в современных условиях, как правило, носит *интердисциплинарный* характер, что обуславливает продуктивность задействования при этом дискурсивной методологии, обладающей существенным *экстралингвистическим* потен-

циалом (см., например, [1]). **Дискурс** – «...речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловленная широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [2. С. 37]. Дискурс является концептуально насыщенным и широкоформатным научным измерением, которое наилучшим образом позволяет охватить реалии современной языковой практики, обеспечивая продуктивность лингвистической репрезентации сложных социокультурных феноменов [3]. Именно дискурс всё чаще становится *методологической платформой* при изучении компьютерно-опосредованной коммуникации – с присущими ей техническим обеспечением и многообразной социальной идентичностью. В данной связи для рассмотрения проблематики межъязыковой интерференции в качестве базовой нами задействована парадигма *компьютерно-опосредованного дискурса* (далее – КОД), в частности его суб-структурный аспект **интернет-дискурс** – речевая деятельность в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, обусловленная форматом Интернета. Понятийная база *компьютерно-опосредованного дискурса* как важнейшего сегмента сферы современной речевой деятельности приобрела необходимую научную глубину, характеризующуюся сформированностью принципов и методологии, что позволяет задействовать ее для *верификации* многих дискуссионных вопросов теоретической и прикладной лингвистики [4]. Так, современная **дискурсивная методология**, при поддержке компьютерных и коммуникационных технологий, является эффективной для выяснения масштабных вопросов межъязыкового взаимодействия и их лингвистической интерпретации.

Особенности лингвистической интерпретации проблемной области

Если цель и объект данного исследования достаточно прозрачны, то соответствующие **предметные** характеристики изначально требуют некоторого уточнения. Детализация объектной стороны здесь допускает множественность подходов, что может существенно влиять на результативность исследований. Вместе с тем атрибутивный приоритет важен при рассмотрении сложной комплексной проблематики, особенно если он обуславливает фокус исследования. В данном случае его необходимо правильно обозначить: это русско-белорусская, белорусско-русская интерференция или некая самодостаточная синтетическая языковая практика? Здесь присутствует определённый общенаучный контекст. Полностью отделить русский язык от белорусского в современных социокультурных условиях (по крайней мере, в Беларуси) крайне сложно, и мы вправе оценивать существующую интерференцию как синтетическую, она носит скорее синкретичный, нежели симбиотический характер, сохраняя идентичность разнонаправленных процессов-компонентов. В интернет-дискурсе языковая практика становится универсальной и многообразной, в целом усложняя процессы взаимодействия языков [5]. При этом объективная лингвистическая репрезентация, как правило, свидетельствует об отсутствии рафинированности или самодо-

статочности атрибутов тех или иных языковых процессов – в современной лингвистике принято говорить скорее о преобладании, доминировании, чем об абсолютной чистоте языковых феноменов.

Вместе с тем при моделировании и абстрагировании часто бывает необходима логическая определённости [6]. Как правило, это необходимо и в вопросах лингвистического описания [7]. С учётом данной специфики, если необходимо феноменологически корректно обозначить сущность межъязыкового взаимодействия русского и белорусского (или белорусского и русского) языков, это именно «русско-белорусская интерференция» – с приоритетом именно «русско-белорусской», а не «белорусско-русской» атрибутивности. Следовательно, лингвистически наиболее обоснованно говорить о русско-белорусской «интерференции», «практике» и «речевой деятельности», что не исключает возможностей лингвистической актуализации элементов «белорусско-русской» языковой интерференции – в исследованиях о влиянии белорусского языка на смешанную речевую практику. При этом ярко выраженное преобладание русского языка в Беларуси (см. ниже) свидетельствует, что доминирующая в данном контексте мотивация – приобретение русскоязычных речевых навыков. Таким образом, наиболее репрезентативным является предметное рассмотрение заявленной проблематики в первую очередь как *русско-белорусской межъязыковой интерференции*.

При этом сфера функционирования самого белорусского языка, которая не была господствующей на территории современной Беларуси уже во времена СССР, – в лучшем случае можно говорить о паритете с русским языком – с возникновением и расширением КОД значительно усложнилась. Так, в 2012 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь оперировал следующими статистическими показателями: *Белорусский язык в качестве разговорного использует 23% населения. Только 26% белорусов говорят дома на белорусском языке...* (<https://ej.by/news/sociaty/2012/02/21/26>). Продолжение оказывается не менее статистически насыщенным: *В ходе переписи белорусский язык назвали родным 60% жителей страны (5 миллионов 58 тысяч человек), однако дома на нем разговаривает лишь 30% населения. При этом в качестве «родного» учитывался язык, который сам респондент считал родным, либо язык, усвоенный им первым в раннем детстве.* Однако в связи с этим непонятно: в какой момент 23% превращаются в 26%, а затем уже и в 30%? При этом не вызывают доверия и сами критерии оценки данных, в частности интерпретация ситуации в части признания «родным» того языка, который респонденты сами называли таким. Если язык, усвоенный человеком в детстве первым, называться родным имеет все основания, то остальные критерии, в том числе мнение самих респондентов по данному вопросу безапелляционно принимать в расчёт, видимо, не следует: необходимы более веские научные аргументы. Известно, что нередки ситуации, когда человек называет родным язык своей Родины, фактически не владея им, и это подтверждается статистикой соцопроса в Беларуси: 60% населения называют родным белорусский язык, хотя 70% – «предпочитают» русский язык; в Мин-

ске 35% населения называют белорусский язык родным, но только 6% общаются на нем (<https://ej.by/news/sociaty/2012/02/21/26>).

У белорусского языка – как бывшего достаточно долго лишь одним из языков многонациональной страны – сохранилась соответствующая специфика: *...его этническая функция (быть национальным символом, консолидировать народ и отличать его от других этносов) первенствует над основной функцией языка (коммуникативной)* [8. С. 308]. И в Беларуси эта специфика приняла парадоксальную форму: белорусский язык практически *...ушел из повседневной жизни* [9. С. 332]. В результате он начал выполнять «символическую функцию»: *...когда человек знает, что он белорус, его предки жили в Белоруссии, он сам в какой-то степени (как минимум для понимания) владеет белорусским языком, но в реальной жизни может им практически не пользоваться* [10. С. 67]. Тем не менее это не исключает общности языковых универсалий и лингвистической логики в научной рефлексии, в частности при решении вопроса: может ли признаваться «родным» язык для человека, который им не владеет («владеет для понимания») или не общается на нем («не предпочитает его»)? На примере белорусского языка очевидно, что в «лингвистическом» аспекте – нет. Однако это не означает, что в повседневной жизни каждый носитель языка не вправе подобным образом подчеркивать свою национальную идентичность.

При этом нет сомнений в доминировании в Беларуси русского языка: *Вместе с тем, как показала перепись, большая часть населения Беларуси (70%) предпочитает общаться на русском языке – на нем разговаривают 96 % русских, 88% украинцев, 70% белорусов и 51% поляков, проживающих в Беларуси...* Лингвистические характеристики жителей различных регионов Республики Беларусь отличаются, отмечают в Белстате. Так, например, в Минской области около 70% населения в качестве родного языка назвали белорусский, в то время как в Минске – только 35% населения, а общаются на нем лишь 6% жителей столицы. В остальных регионах родным языком белорусский считают немногим более 50% жителей (<https://ej.by/news/sociaty/2012/02/21/26>). Для того чтобы эта статистика превратилась в действительно «лингвистические характеристики», необходимо обобщить приведенную языковую специфику, например объяснить удивительную неравномерность в признании белорусского языка родным: в Минске родным белорусский язык считают 35% жителей, в Минской области – 70%, а в остальных регионах – немногим более 50%. С точки зрения лингвистики картина получилась совершенно нелогичная: гораздо больше доверия приведенная статистика вызывала бы, если бы в Минской области (окружающей Минск) родным белорусский язык признали, скажем, 42–43% (медиана между Минском и «остальными регионами»), а не 70% жителей. При отсутствии аргументации приведенная выше статистика вызывает закономерные сомнения.

Проблематика современной РБМИ практически неотделима от специфики исторического развития как русского, так и белорусского языков. В рамках данного исследования подробный анализ соответствующей про-

блематики вряд ли уместен и возможен, однако специфика развития этих языков уже в «эпоху Интернета» является весьма красноречивой и поучительной, особенно показательны в данном аспекте коллизии белорусского языка. Нужно сказать, что языки с богатыми традициями, большим числом носителей, востребованные в социокультурной практике, в целом успешно преодолели «барьер» Интернета. В сфере компьютерно-опосредованной коммуникации белорусский язык тоже устойчиво функционирует и развивается, адаптируется к новым реалиям, изменяется и обогащается. Но, если до Интернета функционирование того или иного языка характеризовалось разноплановостью и несогласованностью, то и в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации проблемы не решились автоматически. В полной мере это касается и белорусского языка.

При этом время появления Интернета практически совпало со временем приобретения частями бывшего СССР независимости – 1991 г. [5]. Уже существовавшие до того в белорусском языке исторические влияния «тарашкевицы» (версии правописания, предложенной в 1918 г. Б. Тарашкевичем) и «латиницы» (транслитерации письменной речи латинскими буквами) в условиях демократизации социума стали существенными факторами коммуникации и получили возможность практически беспрепятственно конкурировать с современным литературным вариантом языка, который с четкой негативной коннотацией начал ассоциироваться с «наркомовкой» (введенный постановлением Народного комиссариата вариант правописания). Можно обсуждать, насколько влиятельными эти тенденции оказались: «...на Украине и в Белоруссии идеи латинизации не получили существенного развития» [11. С. 67]. Однако на практике сосуществование разных графических систем не могло не дезориентировать социокультурную сферу.

Разумеется, официальный вариант белорусского литературного языка остался доминирующим, но в то же время совсем не случайно в 2008 г. был принят Закон Республики Беларусь «О правилах белорусской орфографии и пунктуации», закрепивший очередную (уже третью с 1918 г. – времени публикации «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича) коррекцию *белорусского правописания*, которая адаптировала отдельные нормы языка к сложившейся речевой практике. В данной связи интересные подробности совместного существования вариантов белорусского языка содержит «Википедия». Например, на 17 октября 2013 г. здесь присутствовали 64 763 статьи в версии белорусского литературного языка и 50 848 статей на так называемой тарашкевице (<http://be.wikipedia.org>). Это цена разобщенности языка, так как статьи «Википедии» об одном и том же в разных версиях часто существенно отличаются. На этом примере несложно увидеть, что, будучи более согласованной в языковом плане, белорусская культура в целом могла бы значительно выиграть.

Подобное многоголосие в белорусскоязычной культуре встречается буквально на каждом шагу, это отражается в речевой практике через призму РБМИ. Актуальным данный аспект является для терминологии самой сферы компьютерно-опосредованного дискурса. Так, здесь по образцу лек-

семь *Рунет* произошло калькирование релевантной семантики в форме двух конкурирующих лексем *Байнет* и *Белнет*. В частности, язык белорусского Интернета может называться и *Байнетом* (чаще), и *Белнетом* (реже) – именно по аналогии с *Рунетом*. Пока дилемма диады *Байнет* – *Белнет* в интернет-дискурсе решается в пользу именно *Байнета*: если в русскоязычном варианте написания *Байнет* (по-белорусски – *Байнэт*) только примерно вдвое превосходит *Белнет* – 506 000 на 270 000, то в белорусскоязычном варианте *Байнэт* с примерно 345 000 результатов почти безальтернативная доминанта по сравнению с *Белнэт*, на запрос о котором находится всего 6 760 ссылок в поисковике *Google* (<https://www.google.com>). При этом в контексте белорусского языка пока отсутствуют устойчивые критерии метаязыковой идентичности Интернета Беларуси: «Байнетом» называется и ‘белорусскоязычный Интернет’, и ‘белорусская часть сети Интернет’, и даже ‘Интернет доменной зоны .by’. Так, согласно одной из социолингвистических диссертаций: *...Байнет представляют все ресурсы с национальным доменом верхнего уровня для Республики Беларусь “.by”* [12]. А между прочим уже и дополнительный *...домен первого уровня с поддержкой алфавитов русского и белорусского языков – .бел – был делегирован нашей стране международной организацией ICANN 26 августа 2014 г. и активно развивается (точнее, первый «адрес» с расширением .бел появился 17 февраля 2015 г.)* (<http://42.tut.by/466665>).

Собственно говоря, мифология Интернета по непонятным причинам связывает первую белорусскую интернет-страницу, сайт, с 1991 г. – «годом рождения» Рунета, для сравнения, считается 1995-й (<http://42.tut.by/397571>; <http://os.by/history/episode1> и др.). Так, например: *И еще настойчиво утверждают, что первый белорусский сайт появился именно в 1991 году. К сожалению, его имя / адрес держатся в тайне. Так или иначе, 1991 считают годом рождения Байнета. Правда, сначала его называли Белнетом* (<http://os.by/history/episode1>). Впрочем, «Википедия» предлагает другой, более реалистичный временной ориентир: *В 1995–96 годах в Сети начали появляться первые белорусские страницы* (<http://be.wikipedia.org>).

Появление новой доменной зоны, несомненно, скажется на функциональном развитии диады *Байнет* – *Белнет*: можно предполагать усиление в речи позиций лексемы *Белнет*. На выбор приоритетов коммуникантов Беларуси в данной ситуации не может не повлиять четкая «неславянская» коннотация лексемы *Байнет* (*by* – не только распространенный в английском языке предлог, но и общепринятая международная кодировка принадлежности к Беларуси). Зависимость сферы коммуникации Беларуси от русскоязычных стандартов будет влиять на конкуренцию элементов в диаде *Байнет* – *Белнет*: с учетом вышесказанного резонно предположить, что это влияние будет на стороне культурно-нейтральной лексемы *Белнет* (бел. *Белнэт*). Впрочем, многие объективные закономерности языкового развития корректируются лексикографической практикой: закрепление той или иной лексемы в толковых словарях – а это часто зависит от субъективного мнения составителей словарей – вполне может оказаться решающим

аргументом для многих носителей языка. Пока словари белорусского языка не фиксируют ни *Байнет* (бел. *Байнэт*), ни *Белнет* (бел. *Белнэт*), ни *Рунет* (бел. *Рунэт*). В сравнительном аспекте – в ряде русскоязычных словарей лексема *Рунет* уже присутствует (см., например: <https://dic.academic.ru>). Отмечена в специализированных русскоязычных словарях и лексема *Байнет* (<https://dic.academic.ru>).

При этом вопрос толкования самого термина «Байнет» («Белнет») остаётся не менее дискуссионным: вряд ли следует признавать удачным вариант 'белорусская часть сети Интернет', который пока нередко используется. Такое объяснение в условиях трансграничного функционирования Интернета не имеет рациональных оснований: владеющая правами на структуру Интернета компания ICANN (<http://www.icann.org>) белорусский сегмент Интернета не отделяла от своих серверов, и хотя технически это возможно, но потребовало бы существенных усилий как со стороны американской компании, так и со стороны Республики Беларусь. Разумеется, в контексте межъязыковой идентичности «Байнет» – это в немалой степени 'белорусскоязычный Интернет'. Однако такое упрощение и сужение объектной базы Байнета не отвечает задачам непротиворечивого и последовательного метаописания, поскольку оставляет за скобками огромную часть единой на самом деле речевой практики. И гораздо ближе к дискурсивным и коммуникационным реалиям нейтральное и лингвистически обоснованное определение «Байнета» как интернет-контента сферы языкового функционирования Беларуси [13. С. 26]. Данное определение нуждается, в свою очередь, в уточнении: важна субъектная сторона (см. ниже о метатермине), которая может быть многообразной, но объединённой общей ассоциацией коммуникантов с социокультурным континуумом Беларуси.

Подобная логика вполне может быть экстраполирована на русскоязычный интернет-дискурс и его воплощение – *Рунет*. «Рунет» может быть идентифицирован как интернет-контент сферы языкового функционирования России, включающий речевую практику коммуникантов, которые ассоциируют себя с преимущественно русским социокультурным континуумом. Собственный, в данном случае русскоязычный, сегмент Рунета будет доминирующим в отличие от Байнета. И Рунет будет значительно более разноплановым, включающим как речевую практику на языках народов России, так и релевантную русскому социокультурному менталитету речевую практику на иностранных языках. Вряд ли в данной связи целесообразно исключать из Рунета и релевантную речевую практику в Беларуси, на Украине, в Казахстане и других бывших республиках СССР, где русскоязычный интернет-контент по-прежнему занимает около 80% всей речевой практики (<http://w3techs>). Сегодня национальная идентичность в условиях сетевого формата коммуникации существенно обуславливается границами и характером речевой практики.

Компьютерное опосредование коммуникации существенно сократило дистанцию между коммуникантами и воплощением языка, делая речевую практику более свободной и спонтанной [14]. Вместе с тем языковые дан-

ные компьютерно-опосредованной среды, имея представленную формально-языковыми инструментами содержательную структуру, сохраняют идентичность той или иной языковой системы, что четко отражается в виде преимущественно лексических, частично фонетических и грамматических признаках дискурса. При этом совокупность средств их сопровождения, обусловленных алгоритмическим процессингом, не обеспечивает самодостаточной функциональности речевой продукции, представленной в КОД, и требует, как правило, дополнительной ее обработки человеком на базе эвристических ресурсов ментальности. Однако релевантность КОД для лингвистики неоспорима, поскольку обладает мощнейшим *статистическим* ресурсом верификации и делает доступным для изучения *собственноречевой* аспект коммуникации.

Трасянка в фокусе лингвистического описания

Внимательного рассмотрения в данном аспекте требует ситуация с вариативностью белорусского языка, чего не наблюдается в подобном масштабе в русском языке – гораздо более монолитном. При этом именно русский язык не первое столетие сам остаётся наиболее актуальным фактором влияния для белорусского языка. В немалой степени именно в контексте русскоязычного влияния на белорусскую речь *...давно забытые исторические реалии лингвистики креольские языки и пиджины неожиданно снова стали актуальными в контексте «большого переселения языков» в компьютерно-опосредованной коммуникации* [5. С. 156]. Такие формы речи, как *трасянка* в Беларуси и ее полный аналог *суржик* на Украине, которые достаточно уверенно чувствовали себя в речевой практике и до появления Всемирной паутины и Интернета, значительно активизировались в компьютерно-опосредованной коммуникации и стали влиятельными атрибутами речевой практики.

Нужно ли расценивать ренессанс креолизованной речи в КОД как отрицательное явление? С философской точки зрения отрицательного в языке нет, есть непознанное и неописанное. Именно об этом говорили классики: *Совершенно очевидно, что при отсутствии осознанной нормы отсутствует отчасти и отрицательный языковой материал, что, в свою очередь, обуславливает огромную изменчивость языка. Совершенно очевидно и то, что норма слабеет, а то и вовсе исчезает при смешении языков и, конечно, при смешивании групп языков, причем первое случается относительно редко, а второе – постоянно. Таким образом, мы снова приходим к тому выводу, что история каждого данного языка есть история катастроф, происходящих при смешении социальных групп* [15. С. 38]. Расширяющая сферу речевого функционирования, вариативность языкового развития важна и чрезвычайно содержательна для лингвистики.

Относительно вариативности белорусскоязычной речевой практики, как это ни удивительно, нет какой-либо определённости в аспекте *научной рефлексии*. Так, в белорусской лингвистике в данном контексте используется

множество таких терминов, как, например, *разговорный узус, живой разговорный узус, узус ежедневной неподготовленной речи интеллигенции, разговорная речь, живая разговорная речь, разговорный стандарт, разговорный белорусский стандарт, ориентированный на литературный язык разговорный стандарт, субстандарт, разговорная белорусская речь, белорусская разговорная повседневная речь, смешанная речь, городская смешанная белорусско-русская речь, белорусско-русская смешанная речь, ежедневное неподготовленное общение носителей белорусского литературного языка, регистр говорения, идиом, устный идиом и т.д.* – и это неопределенный «терминологический» аппарат только одного исследования устной речи [16].

...Мировая практика показывает: независимо от желания языковедов и политиков в языке могут со временем накапливаться региональные особенности, и при некоторых условиях объем и характер этих особенностей превышают, условно говоря, «критическую массу» [17]. Однако различия между австрийским и немецким «немецким», бельгийским и французским «французским», американским и английским «английским», белорусским и русским «русским» и другими нациолектами, с одной стороны, менее глубоки, а с другой стороны, более стабильны, чем различия, объективно существующие между трасянкой и русским или, почти одинаково, белорусским языками. Среди немногочисленных дефиниций *трасянки* в работах зарубежных исследователей встречаются достаточно характерные: ...отрезок континуума, на одном полюсе которого находится белорусский диалект русского языка, на другом – белорусский разговорный язык [18. С. 331]; ...интер-язык, то есть промежуточная и неустойчивая языковая система, которую создает индивид на разных стадиях изучения второго языка и т.д. [18. С. 342]. В первом случае, в частности, попытка интегрировать белорусский язык в «континуум» русскоязычной диалектологии выглядит прямо противоречащей сложившимся традициям позиционирования белорусского языка. Впрочем, все сомнения в мотивации данной дефиниции отпадают после следующей сентенции: *И тут мы подошли к очень важному выводу: трасянка, хоть и неприятная на слух, все же менее опасна для русскоязычной интеллигенции, чем чистый, литературный белорусский, который в 1993–1994 годах власти независимой Беларуси пытались возродить и им заменить привычный русский язык. Трасянка – меньшее зло, так как ее нельзя навязать, она изживает свой век, от нее можно отгородиться* [18. С. 341]. Прямо скажем: неожиданно для XXI в. и научного дискурса. Второе из вышеприведенных определений называет *трасянку* неким «языком», что не соответствует сложившимся представлениям о языке как сложном и функционально самодостаточном феномене.

«Трасянковая» речь – результат разнонаправленных тенденций в РБМИ: приобретения белорусскоязычными коммуникантами навыков русскоязычной коммуникации (чаще), с одной стороны, и русскоязычными коммуникантами – навыков белорусскоязычной коммуникации (реже) – с другой. В данном аспекте ряд исследователей идентифицировал такую

лингвистическую категорию как «полуязычие»: *...частичную утрату родного языка (неполное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка* (см., например, [19. С. 69]). Однако при интерференции «второго» литературного языка о данной специфике говорить не приходится, поскольку первый язык в этом случае не утрачивается, а смешивается со «вторым» в речи – что и наблюдается в случае с трасянкой.

Важно, что в контексте культурной обусловленности (см. ниже), трасянка – несамостоятельная синтетическая речевая практика, являющаяся реализацией «культуролекта». «Культуролект» – вариант языка, обусловленный определенной культурной спецификой коммуникации [20. С. 330]. Эта специфика зависит не только от образовательного уровня коммуникантов: культурная идентичность весьма разнопланова. Однако своего рода культурным критерием уровень образования безусловно является.

О существенной культурной обусловленности *трасянки* прямо свидетельствуют данные соцопроса: *«людей самого высокого уровня образования русский язык преобладает (трое из четырех респондентов называют его «основным языком общения»), а смешанный язык менее распространен, чем у представителей других уровней образования. Тем не менее смешанный язык был выбран каждым четвёртым респондентом с высшим образованием. На других уровнях образования не наблюдается значительных отличий: русский и смешанный языки демонстрируют примерно равное соотношение, доля каждого при этом составляет около 50%»* [21. С. 69]. Возникает резонный вопрос: а где доля белорусского языка в Беларуси? Эта доля не очень большая, но она есть. При этом ведь на чистом языке – неважно даже на каком, русском или белорусском – говорит в три раза больше респондентов с высшим образованием, чем на «смешанном»: 75 и 25%, соответственно. При отсутствии высшего образования носителей «смешанного языка» оказывается в два раза больше – 50%. Казалось бы, достаточно прозрачная ситуация истолковывается совершенно неожиданным образом: *Это, разумеется, расходится с широко распространенным мнением о том, что смешанная белорусско-русская речь является феноменом, характерным для людей с низким уровнем образования или для низших социальных слоев...* [21. С. 69]. Один из процитированных авторов Г. Хентшель (вместе с Б. Киттелем) в другой публикации (вместе с Я.П. Целлером и С. Теш) вновь выражает противоположное своим же данным мнение: *Недостаточная образованность говорящих на «трасянке» – это всего лишь негативный стереотип* [22. С. 2]. Вряд ли такого рода обобщение может быть признано логичным.

Трасянка (как и суржик) – *...терминологическая метафора, созданная в результате переноса исходного слова с бытовой сферы в сферу лингвистической терминологии* [23. С. 51]. При этом ничто не мешает переименовать *трасянку*, например, в БРСР (белорусско-русская смешанная речь). Из следующего контекста понятно, что речь при этом идёт именно о *трасянке*: *Элементы, черты и конструкции обоих языков устойчиво отображаются в смешанном языке, в данном случае в БРСР. Некоторые из них*

чаще строятся на основе одного языка, некоторые – на основе второго, третьи, гибриды, берут элементы обоих, и наконец, некоторые элементы могут быть инновациями, основанными на способности всех людей к языковому творчеству [24. С. 74]. Но только дискурсивная практика, в том числе КОД, сможет подтвердить или опровергнуть жизнеспособность такой новации (БРСР), конкурентной привычной трясянке. Можно предположить, что эргономика речи, особенно КОД, не будет способствовать распространению малопонятной неспециалистам сложной номинации БРСР – вместо простой номинации трясянка.

Интернет-поиск показывает, что пока термин БРСР (равно как и его белорусский вариант БРЗМ – *беларуска-рускае змешанае маўленне*) практически не востребован, а трясянка остаётся привычным элементом как узуса, так и метаописаний (более 80 000 упоминаний на 01.10.2018, по данным Google). Несмотря на эпизодическую рефлекссию трясянки как не совсем научного «выражения» и «экзотики» (см., например, [24]), использование данного термина в научном обиходе является вполне закономерным – и в русскоязычном, и в белорусскоязычном научном дискурсе (см., например, [8, 23]). Для лингвистов, изучающих «общую языковую ситуацию в Беларуси», приоритетным вопросом является не столько выбор новой, более «научной» номинации, сколько смысл данного феномена, в том числе ...*дефиниция и способ функционирования трясянки* [9. С. 330].

Впрочем, только терминологическими коллизиями по поводу РБМИ проблемы научной (и псевдонаучной) рефлексии по данному поводу не исчерпываются. Куда более серьёзны – как можно видеть из выше- и нижеприведённых примеров – методологические неувязки соответствующих проектов. Так, статистика «открытого опроса» в Беларуси содержит характерным образом противоречивые и просто невероятные эмпирические данные: ...*проведенный в 2008 году иностранными учеными опрос в семи городах страны показал, что более трети (37,6%) белорусов-горожан считают трясянку своим родным языком (48,6% назвали в качестве такового белорусский и 29,6% русский язык). 43,4% респондентов в повседневной практике используют преимущественно русский язык с добавлением белорусских слов; 41,0% используют смешанный язык, 11,2% – стандартный русский. Стандартный белорусский или белорусский с добавлением русских слов используют все вместе 4,4%. При сравнении разных поколений у самых молодых респондентов происходит некоторое перераспределение предпочтений от смешанного языка (33,4%) в пользу русского языка с добавлением белорусских слов (50,2%)* (<http://news.tut.by/society/379147> – цит. по: [5. С. 158]). Однако проблема уже в том, что 37,6, 48,6 и 29,6% – это в сумме совсем не 100, а 115,8%: при таком подходе более целесообразным было бы другое статистическое измерение, предполагающее не «процентные», а, скорее, «абсолютные» численные показатели. Далее, если уж разрешать респондентам давать больше ответов, чем один, то, видимо, не в этом случае, когда собирается информация не о возможном разнообразии вариантов, а о «преимущественном», «предпочтитель-

ном» использовании того или иного языка, что предполагает выбор респондентом *одного* из нескольких вариантов. Попытки проиллюстрировать долю «несмешанных» языков (русского и белорусского) в Беларуси цифрами от 4,4 до 11,2% означают только одно: некорректность методик опросов и критериев их оценки. Сложившаяся практика не позволяет характеризовать *трасянку* как доминирующий языковой стандарт Беларуси.

То, что в обсуждении данной проблематики необходимо учитывать весь комплекс релевантной компетенции – как интра-, так и *экстралингвистической*, подтверждается и анализом следующих данных. Так, на первый взгляд статистика может быть и достаточно убедительной, например: *...лишь 18% респондентов регулярно используют белорусский язык (в частности, постоянно 2%, часто 16%), в то время как русский регулярно используют 73% респондентов (в частности, постоянно 45%, часто 28%)* [25. С. 54]. Однако без должной корреляции с дискурсивной логикой практически любые показатели речевой статистики вызывают больше вопросов, чем предлагают ответов. В частности, нуждаются в объяснении показатели в 2% для белорусского языка и 45% для русского (на выборке в 1 400 респондентов из семи городов Беларуси): а на каком языке «постоянно» разговаривают остальные 53% населения белорусских городов? Или их не 53%? А чем «постоянно» принципиально отличается от «регулярно» или «часто» и т.д.? Если приведенные цифры – это усовершенствование четырехэлементной шкалы «постоянно / часто / редко / никогда», то вряд ли это помогает что-то прояснить в ситуации двуязычия (а не «четырёхязычия»), когда необходимо выбрать из двух вариантов: «русский / белорусский». На самом деле, сложно представить, что кто-то из респондентов «постоянно» (т.е. всегда) разговаривает на русском языке, но «часто» и на белорусском, а этот вариант ответа, как можно видеть, был бы тоже учтен (а может, и был учтен). «Шум» подобного рода, видимо, и повлиял в итоге на результаты опроса.

Не меньше удивляет ссылка на тот же соцопрос «Хентшель, Киттель 2011» с уже принципиально иными результатами – на следующей странице статьи: *Из опрошенных при подготовке исследования [Хентшель, Киттель 2011] 41 % респондентов ответили, что БРСР является для них основным средством коммуникации (русский – для 55%, белорусский – для 4%). На вопрос о том, какие языки используются в их семье, 73% респондентов среди других языков назвали БРСР (русский – 54%, белорусский – 48%; разрешалось называть более одного языка)* [25. С. 55]. Конечно, вряд ли следовало называть *трасянку* другим «языком», сея сомнения у далёких от профессиональной лингвистики респондентов. Про «проценты» и «разрешение» указывать несколько вариантов ответа уже сказано выше. Но как можно всерьёз утверждать, что 73% респондентов в Беларуси общаются на некоей «БРСР»? Возможно, им не объяснили, что такое «БРСР» и чем она отличается / не отличается от «трасянки»? Показатель в 48% для белорусского языка в городах – цифра тоже невероятно высокая: возможно некорректно формулировались вопросы или обрабатывались первичные данные.

Те же авторы сообщают, что ...количество «активных» носителей белорусского литературного языка очень ограничено [25. С. 55].

Появление подобных «опросов» и их «обобщений» свидетельствует об определенном дефиците верифицированных метаязыковых параметров и дискурсивных критериев, для апробирования которых и КОД, и интернет-дискурс – чрезвычайно благоприятные среды [26]. Данные КОД безальтернативно свидетельствуют об абсолютном приоритете в Беларуси русского языка: это 86,9 %, в частности, по статистике Всемирной паутины (см., например: <http://w3techs.com>). В городе его преобладание будет значительно большим, чем средние цифры. Уже в данном контексте никак не может идти речь о таких цифрах, как 37,6, 41,0 или 33,4% (согласно первому из процитированных опросов), равно как и о 41% или 73% (согласно второму) – как сегменте *трасянки* в городах Беларуси. Для сравнения: доля *суржика* (функционального аналога *трасянки*) – относительно невелика: по данным Киевского международного института социологии, доля взрослого населения, говорящего на суржике, в 2003 г., например, составляла 10,7% всего населения Украины (<https://ru.wikipedia.org>). Видимо, реальная распространенность *трасянки* в Беларуси также вполне может быть оценена в промежутке от 8 до 12%. Пока репрезентативных для всей территории Беларуси исследований по данной тематике не проводилось. Но весьма сомнительно, что более трети белорусов-горожан, назовут свою речь *трасянкой*: автору, который родился и около 50 лет прожил в *городе Беларуси* (Минске), собеседники, которые бы добровольно называли свою речь *трасянкой* (или «БРСР», если так более научно) в принципе пока не встречались. Да и русским языком белорусы-горожане в подавляющем большинстве владеют в совершенстве. Данные корпуса «ОК – БРСР» красноречиво свидетельствуют о том же: ...не были рассмотрены данные интервью из Минска, так как в этом городе не удалось получить достаточный для анализа объем материала на БРСР. Хотя респонденты из Минска и отвечали при предварительном интервью опроса, что регулярно используют БРСР, на вопросы интервью они отвечали преимущественно по-русски [22. С. 12]. Как видно, в контексте социолингвистических исследований должна учитываться многоаспектность языковой идентичности, чтобы это впоследствии не вызывало закономерных сомнений в научности сделанных обобщений [27].

Освоение самой лексемы *трасянка* в русском языке – при изобилии примеров неудачного освоения русских лексем в белорусском языке – является характерным примером противонаправленного процесса. Так, наряду с объективной транслитерацией «трасянка» в русском языке можно встретить спорадическое словоупотребление «тросянка»: *Причем как нет стабильного названия, так нет и стабильности речи. Большая часть говорит на русском, ещё часть на тросянке (смесь белорусского с русским языком), и только маленькая часть говорит на белорусском языке* (<http://nmn.by/news>). Интернет-верификация в данной связи – на стороне узуального варианта: по данным интернет-поиска находится «Результатов:

примерно 3 700» на *тросянку* и «Результатов: примерно 48 500» на *трасянку* (<https://www.google.by>). С метаязыковой точки зрения данная дилемма также очевидна: норма как белорусского, так и русского языка – *трасянка*. Производящая глагольная форма здесь *трасці* (бел.) или *трясти* (рус.), и оснований для чередования гласного на *-о-* нет никаких – ни для белорусского, ни для русского языков. По крайней мере, этимологически обоснованных данных, подтверждающих прямую связь корня *трас-* (*трясти*) с корнем *трос-* (*трость*, *тростник*) нет. Характерное для русского языка «оканье» – не повод для его распространения на явно белорусскоязычную по сфере использования (этимологически общеславянскую) лексику.

В то же время расценивать написание *тросянка* как орфографическую ошибку было бы необоснованным упрощением: видимо, мы имеем дело скорее с попытками ассимилировать белорусскую культурно-специфическую лексику для русского языка. В свою очередь, это свидетельствует об актуальности референтной семантики для дискурсивной практики и двусторонней активности процесса РБМИ.

Потенциал моделирования русско-белорусской межязыковой интерференции

С точки зрения методологии при исследовании вопросов межязыковой интерференции необходимо определить объективные критерии идентичности соответствующей речевой практики, в том числе с целью отграничения *трасянки* от русского или белорусского языков. Поскольку речь идёт о выявлении сущностных характеристик весьма разноплановой речевой деятельности, необходимо её *моделирование* и создание синтетических рамок репрезентации. Системные свойства такой сложной проблемной области целесообразно исследовать и обобщать в рамках *метаформата*: **Метаформат** – обобщенная структура, обусловленная репрезентативными средствами вторичной семиотической системы: элементами, связями, отношениями, которые организуют ее единство и функциональность. В рамках дискурсивного подхода метаформат КОД – целесообразное осмысление речевой практики. Метаформат КОД – совокупность субъектов и объектов, объединенных отношениями функциональности субъектной и объектной сторон [20. С. 294]. Метаформатирование дискурса позволяет оценивать языковые процессы и феномены с точки зрения их неразрывной связи с языковой системой. Все разнообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка: ...*вполне понятно, что характер и формы этого использования такие же разнообразные, как и области человеческой деятельности, что, конечно, несколько не противоречит общепринятому единству языка* [28. С. 428]. Субъектно-объектная характеристика дискурса любого рода является важным источником лингвистически значимых обобщений свойств и закономерностей его развития (рис. 1).

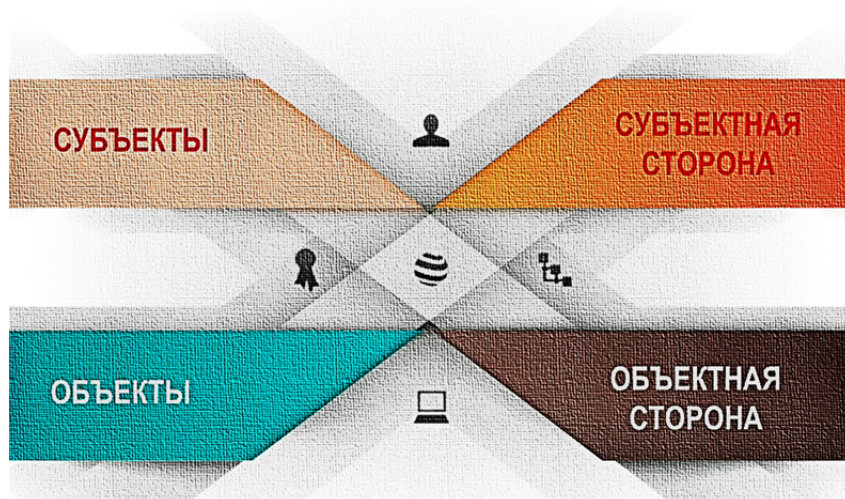

Рис. 1. Модель метаформата дискурса [29. Л. 79]

Итак, во-первых, если мы говорим о трясянке как *объекте* и самостоятельном межъязыковом варианте коммуникации, вряд ли спорадическое ошибочное словоупотребление должно автоматически ассоциироваться с трясянкой. При этом далеко не все случаи нестандартного словоупотребления носят случайный характер, некоторые могут носить демонстративный и преднамеренный характер, как это происходит, например, при использовании так называемого «олбанского» языка. Разумеется, в просторечии случаи отклонения от нормы могут быть системным результатом недостаточно уверенного владения тем или иным языком – как проявление некоей культурной идентичности. Вместе с тем, совершая речевые ошибки, пусть и системным образом, продуцирующие трясянку коммуниканты уверены, что используют русский либо белорусский язык, а не какой-то новый или особый язык.

Точно так же нет особой *трясянковой* письменности и нет соответствующей общей лексико-грамматической базы, известной, в частности, самим общающимся на трясянке. Безусловно, трясянка обладает лингвистическими признаками, выраженными фонетически, лексически, грамматически или стилистически (см., например, [30]). Однако среди них нет тех, которые не были бы присущи либо русскому, либо белорусскому языкам. Не обладая особой языковой оригинальностью или идентичностью, трясянка – это не воплощение некоего нового языка, а определенно форма речи, обладающая, в частности, как признаками креольского языка, так и пиджина. Как и классические креольские языки, культуролект может передаваться из поколения в поколение, в нем присутствуют, как и в пиджинах, некая спонтанность и социальная обусловленность, однако напрямую соотнести трясянку с креольскими языками или пиджинами, оснований явно

недостаточно. В частности, в трасянке не наблюдается ни утраты флективной морфологии, характерной для пиджинов, ни структурного единства креольских языков (см., например, [31]). Подобным образом трасянку невозможно идентифицировать как продукт смешения диалектов либо смещения стиля [32, 33]. Таким образом, *трасянка* – особый тип языковой продукции, устойчивый речевой стереотип, отражающий взаимную системную интерференцию русского и белорусского языков.

Объектная сторона метаформата трасянки обладает не менее репрезентативно значимым потенциалом. В данной ситуации логично было бы оценить качество и количество, собственно, «языковой» продукции, ассоциирующейся с трасянкой. И попытки такие предпринимались, однако, как говорилось выше, они упирались в проблемы поиска и фиксации такой продукции. Репрезентативную коллекцию письменных образцов, относящихся к трасянке, собрать достаточно сложно. Пожалуй, лишь корпусный формат, основанный на технологиях компьютерного опосредования речи, в том числе устной, позволяет собрать некую общность образцов, потенциально могущих представлять тот или иной высокоидентичный дискурс (см., например, [34]).

Традиционно большинство вариантов необычного использования языковых средств зарождается и тестируется в разговорном языке. Здесь языковая практика связана с письменностью лишь косвенно и характеризуется широкой вариативностью использования языковых единиц. Однако многочисленные ошибки при разработке методологии сбора данных и их интерпретации, в частности в вышеупомянутом проекте «ОК – БРСР», пока не позволили создать целостное лингвистическое описание трасянки. Тем не менее, учитывая объективную научную рефлексию, такая работа представляется перспективной и может быть продолжена. Стратегия исследования *устной речи* как функциональной основы трасянки является правильной, однако нет сомнений и в необходимости исследования в данном аспекте письменной речи, где речевые обычаи не могут не отразиться.

Художественный, публицистический, официально-деловой или научный стили речи не будут аутентичными источниками в данной связи, не отражая спонтанную речь. А вот интернет-дискурс, развивающийся за счёт социальных сетей, форумов, блогов и комментариев, вполне может стать репрезентативным источником *письменных образцов* разговорной практики. Вместе с тем трасянка не является стабильным в пространстве и времени вариантом речи. Четких критериев отграничения трасянки от русского или белорусского языков нет и не может быть, поскольку нет никаких оснований сравнивать языки и речь. Хотя, разумеется, можно и нужно исследовать процесс и результаты межъязыковой интерференции, проявляющиеся в речи.

Как было отмечено выше, основой *субъектной* дифференциации при идентификации межъязыковой интерференции является культурная специфика. Но необходимо учитывать, что, попадая в определенное культурное окружение, любой носитель языка осознанно или неосознанно адапти-

рует свою речь к окружению, чтобы банально быть понятым. Среди носителей ярко выраженной трясянки встречаются и люди с высшим образованием, в том числе филологическим. Совсем необязательно при этом речь должна вестись об их нежелании или неспособности изучить русский либо белорусский язык: языковые способности выражены индивидуально. И нет никаких оснований исключать из субъектной базы научного изучения речевой практики дискурс сельских жителей. Ведь в каждом деревенском доме давно имеются радио и телевидение, к которым в последнее время прибавился Интернет, с огромным выбором как белорусскоязычного, так и русскоязычного контента. Потенциально круг носителей трясянки – субъектов её метаформата – практически не ограничен, поскольку на самом деле четкие языковые и тем более речевые границы не всегда совпадают с социальными, государственными, например.

Однако при рассмотрении соответствующей *субъектной стороны* необходимо принимать в расчёт и более сложную аргументацию. Многообразие социальной структуры современного общества предполагает достаточно широкую вариативность речи, а на примере Интернета можно видеть, что данные рамки становятся всё более условными, способствуя как развитию поликодowości и мультязыковой компетенции, так и глобализации языковых стандартов [5]. Наиболее целесообразно говорить в данном контексте о выраженности тех или иных признаков межъязыковой интерференции в том или ином идиолекте, социолекте, интернетолекте и т.д. [13]. При этом круг субъектов, использующих трясянку, нестабилен и культурно обусловлен: любой её носитель может освоить русский или белорусский язык достаточно хорошо, избавившись от тех или иных «вредных» речевых привычек, особенно если появляется такой мощный стимул, как высшее образование, например, или любая другая социокультурная обусловленность.

При освоении и использовании второго литературного языка в Беларуси (русского либо белорусского) возникают типичные сложности, обусловленные близостью русского и белорусского языков. При этом в субъективном восприятии коммуникантов ярко выраженное сходство языков зачастую создает своеобразный эффект знания неродного языка. Однако многочисленные речевые ошибки, сопровождающие использование трясянки, практически не препятствуют результативной коммуникации за счет значительного сходства фонетики, лексики и грамматики русского и белорусского языков. Стереотипный характер проблем, которые возникают при освоении, пусть и очень близкого жителям Беларуси, но неродного для определенной части населения русского языка (равно как и белорусского для людей с родным русским языком), подтверждается – пусть и не всегда неоспоримо – высокими показателями трясянки.

Приоритет русского языка в Беларуси и активные процессы межъязыковой интерференции в немалой степени обусловлены проблемами системной вариативности белорусского языка. Так, в аспекте компьютерно-опосредованного дискурса белорусский язык – один из немногих, не име-

ющих средств корректной проверки орфографии, такой как опции общеупотребительной оболочки *Word*. Можно предположить, что сосуществование параллельных форм и вариантов белорусского языка, особенно в контексте компьютерного опосредования коммуникации, как подталкивало, подталкивает, так и и будет подталкивать значительную часть жителей Беларуси к английскому, польскому и, естественно, русскому языкам как более стабильным системам. Являясь родным языком для значительной части населения и будучи законодательно уравненным в правах с белорусским языком, русский язык является основой коммуникации и мощнейшим фактором и элементом межъязыковой интерференции в Беларуси. Анализ релевантного *дискурса* и его обобщение в рамках *модели метаформата* позволяют обеспечить результативность лингвистически обоснованных выводов в том числе в отношении РБМИ.

Выводы

Итак, *русско-белорусская межъязыковая интерференция* является процессом взаимодействия русского и белорусского языков, обусловленным их параллельным использованием на всей территории Беларуси в течение длительного времени и характеризующимся синкретичным характером с преобладанием влияния русского языка. Активное взаимодействие русского и белорусского языков касается не только пограничных районов или мест компактного проживания национальных меньшинств, как это происходит в большинстве ситуаций межъязыковых контактов, но охватывает всю сферу коммуникации Беларуси. Данная ситуация сложилась под определяющим влиянием экстралингвистических факторов – исторических, социальных, культурных. При этом как русский, так и белорусский языки в Беларуси сохраняют свою идентичность. Следствием русско-белорусской межъязыковой интерференции и сложной дискурсивной практики является *трасянка* – устойчивый речевой стереотип, отражающий взаимную системную интерференцию русского и белорусского языков. Сфера функционирования трасянки – устная речь всего языкового пространства Беларуси. Наиболее характерные (но не исключительные или абсолютные) черты трасянки – широкая пространственно-временная распространённость, системность, вариативность, нерегламентированность, спонтанность, культурная обусловленность.

Безусловно, белорусы и русские – очень близкие народы, что подтверждается продуктивностью смешанной речевой практики. При этом неверно осуждать носителей русского либо белорусского языка за недостаточную чистоту владения неродным языком. В то же время лингвистика, описывающая взаимодействие разных языков, не должна быть конъюнктурной, ведь при межъязыковом взаимодействии становятся видимыми скрытые при иных обстоятельствах «пружины» и «механизмы» развития каждого отдельно взятого языка и их возможной общности. Сегодня наиболее существенным, но недостаточно используемым методологическим потен-

циалом верификации важнейших вопросов русско-белорусской межъязыковой интерференции обладает компьютерно-опосредованный дискурс. Данный контекст способствует объективной научной рефлексии.

1. Русско-белорусская межъязыковая интерференция – это разнонаправленный синтетический процесс. Выявлен синкретичный характер взаимодействия русского и белорусского языков в Беларуси. Установлено, что статистические данные, якобы доказывающие существование широкого круга людей, использующих некий новый язык, получены с многочисленными ошибками методологического характера.

2. Процесс русско-белорусской межъязыковой интерференции является как интра-, так и экстралингвистически обусловленным. Охарактеризовано влияние на функциональность коммуникационной сферы Беларуси ряда факторов исторического, социального и культурного характера.

3. Важный фактор релевантной научной рефлексии – противоречивость регламентации белорусского языка. Описано негативное влияние во многом искусственной вариативности белорусского языка на развитие, в частности, белорусскоязычного компьютерно-опосредованного дискурса.

4. В коммуникационной сфере Беларуси в целом и в референтном компьютерно-опосредованном дискурсе в частности существует большой перевес русского языка над белорусским, что свидетельствует о доминировании русского языка. В связи с этим обоснована необходимость «русско-белорусской» предметной ориентации исследований межъязыковой интерференции в Беларуси.

5. Идентичность трясанки напрямую связана с практикой освоения юридически равнозначных для Беларуси языков. Охарактеризована специфика идентификации в Беларуси родного языка: называя белорусский язык родным, многие коммуниканты им не владеют и не пользуются.

6. В феноменологическом аспекте трясанка является атрибутом речи. Проведен анализ системных свойств трясанки. Охарактеризован терминологический контекст использования номинации «трясанка».

7. Функционирование трясанки актуально для всего языкового пространства Беларуси на протяжении длительного времени. Но в коммуникационном аспекте трясанка охарактеризована как несамостоятельная синтетическая речевая практика.

8. Ключевая мотивация возникновения и устойчивости трясанки – её культурная обусловленность. Выявлена функциональная связь трясанки с культуролоктом.

9. Существенным, но недостаточно используемым потенциалом в верификации многих лингвистических проблем обладает компьютерно-опосредованный дискурс. Обосновано задействование методологической платформы компьютерно-опосредованного дискурса для исследования проблематики русско-белорусской межъязыковой интерференции.

10. Обобщение компьютерно-опосредованной речевой практики актуально на репрезентативной материальной базе Интернета. Специфика материала такого рода обусловлена практически неограниченными статисти-

ческими возможностями интернет-дискурса. Релевантная верификация отдельных вопросов исследования проведена на действительно репрезентативном материале.

11. В аспекте данной проблематики целесообразно учитывать специфику Рунета и Байнета. Используемая в работе методика интернет-поиска позволила сделать ряд верифицированных обобщений.

12. Научная рефлексия проблемной области характеризуется существенной противоречивостью и субъективизмом, что обуславливает необходимость: проведения комплексного дискурсивного анализа, учитывающего реалии функционирования языков; формирования аргументированных социолингвистических и статистических методик; моделирования формата речевой деятельности. Проведен комплексный макродискурсивный анализ, основанный на интра- и экстралингвистической теоретико-практической базе. Верифицирован ряд критериев социолингвистического и статистического анализа. Представлена и апробирована модель метаформата.

Проблематика русско-белорусской межъязыковой интерференции не исчерпывается проведенным исследованием – репрезентативным в рамках жанра статьи. Тем не менее исследованные аспекты являются принципиально важными для данной проблемной области.

Литература

1. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс. 1989. 312 с.
2. Баркович А.А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 37–52.
3. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков : Гуманитарный центр. 2009. 354 с.
4. Herring S.C. A faceted classification scheme for computer-mediated discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4, art. 1. URL: <http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761>
5. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М. : Флинта : Наука, 2015. 288 с.
6. Foucault M. The archeology of knowledge. London : Tavistock Publications, 1972. 218 p.
7. Fairclough N. Analyzing discourse: textual analysis for social research London : Routledge, 2003. 270 p.
8. Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18, № 3. С. 299–322.
9. Голяховска Э. Символическая ценность и коммуникативная функция белорусского и польского языков в Беларуси // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. М., 2017. Кн. 3. С. 327–334.
10. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.
11. Алпатов В.М. 150 языков и политика, 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт + ИВ РАН, 2000. 224 с.
12. Белова К.А. Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015. 24 с.

13. Барковіч А.А. Інтэрнэталект і мадэль моўнай варыятыўнасці: беларуская і польская спецыфіка // Беларуская-польскія культурна-моўныя ўзаемадачынненні: ад гісторыі да сучаснасці. Мінск, 2016. С. 21–27.
14. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.
15. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.
16. Рамза Т.Р. Беларускае гутарковае маўленне: фанетычны і лексіка-граматычны аспекты : аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук. Мінск, 2015. 42 с.
17. Норман Б.Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма // 1 сентября. Русский язык. URL: http://rus.1september.ru/-view_article.php?id=201000604
18. Лисковец И.В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. СПб., 2002. Вып. 2. С. 329–343.
19. Полинская М.С. Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987. С. 69–73.
20. Баркович А.А. Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2017. 360 с.
21. Хентшиель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.
22. Hentschel G., Zeller J.P., Tesch S. Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи: ОК-БРСП. Документация. URL: <https://www.academia.edu/20546408>
23. Цыхун Г.А. Крэалізаваны прадукт: Трасянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання // ARCHE. 2000. № 6 (11). С. 51–58.
24. Запрудскі С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянкаў», або выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // Arche. 2009. № 11–12. С. 157–200.
25. Хентшиель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 53–76.
26. Баркович А.А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 30. С. 38–48.
27. Плунгян В. Почему языки такие разные. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=laBfdka20nE>
28. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428–472.
29. Барковіч А.А. Метамоўная характарыстыка камп’ютарна-апасродкаванага дыскурсу : аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук. Мінск, 2016. 438 с.
30. Яненка Н.В. Варыянтнасць у гетэрагенным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у г. п. Хоцімску) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2018. 42 с.
31. Thomason S.G. Language contact. Washington : Georgetown University Press, 2001. 240 p.
32. Trudgill P. Dialects in contact (Language in Society 10). Oxford ; New York : Basil Blackwell, 1986. 174 p.
33. Schilling-Estes N. Investigating stylistic variation // The Handbook of Language Variation and Change / J.K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (eds.). Malden, 2002. P. 375–401.
34. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянской культуры. 2009. 736 с.

Russian-Belarusian Cross-Lingual Interference and Trasianka: Computer-Mediated Verification and Scientific Reflection

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 69. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/69/1

Aliaksandr A. Barkovich, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus). E-mail: al-bark@tut.by

Keywords: Russian-Belarusian cross-lingual interference, sociolinguistic specificity, meta-format, computer-mediated discourse, scientific reflection, *trasianka*, *culturelect*.

The aim of this study is to verify the essence of the object – the Russian-Belarusian cross-lingual interference, to estimate the criteria and features of relevant scientific reflection in the context and by the means of the computer-mediated discourse paradigm. The influence of a number of historical, social and cultural factors on the functionality of the communication sphere of Belarus was characterized. Identification specifics of the mother tongue in Belarus is noticed: despite the fact that most of the communicants in Belarus claim Belarusian as their mother tongue they are Russian-speaking. The variability and contrariety of Belarusian meta-language codification were described. In particular, it is noted that over the past hundred years a number of attempts has been made to correct the regulatory framework of the Belarusian language, but this only complicated the speech practice and inspired the formation of parallel language variants – “*tarashkevitsa*” and “*narkomovka*”. This language instability has contributed to the productivity of Russian-Belarusian mixed speech practice, particularly. In the course of the study, a review of existing views on the issues of Russian-Belarusian cross-lingual interference was conducted, an important specificity of the intra- and extralinguistic identity of the corresponding discourse was revealed. It was noticed that Russian-Belarusian cross-lingual interference is a multidirectional syncretic process against the background of official bilingualism. At the same time, both the Russian and Belarusian languages in Belarus retain their identity. *Trasianka* – a stable speech stereotype that reflects the mutual systemic interference of the Russian and Belarusian languages – is caused by the Russian-Belarusian cross-lingual interference as well as by the complicated discursive practice. The *trasianka* identity is directly related to the practice of a non-native (second) standard language acquisition – mainly Russian. The terminological context of the usage of “*trasianka*” nomination was described. The functioning of *trasianka* is inherent for the entire language space of Belarus and lasts for a long time, but in the communication aspect it is a non-independent synthetic speech practice. The key motivation for the emergence and stability of *trasianka* is its cultural conditionality – the functional relationship of *trasianka* and *culturelect* was revealed. With that, it was figured out that some statistical data and analytical conclusions – describing the language situation in Belarus – were received with numerous methodological errors. A comprehensive discursive analysis of the sphere of the language functioning in Belarus – with elements of statistical and sociolinguistic verification – was conducted and relevant modeling of meta-format was carried out. The study provides answers to fundamental questions of the problem domain.

References

1. van Dijk, T. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.
2. Barkovich, A.A. (2015) Functionality of the “Communicational-Communicative” Dyad: Discursive Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 37–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/3
3. Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R. & Vetter, E. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
4. Herring, S.C. (2007) A faceted classification scheme for computer-mediated discourse. *Language@Internet*. 4. Art. 1. [Online] Available from: <http://www.languageat-internet.org/articles/2007/761>.
5. Barkovich, A.A. (2015) *Internet-diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet Discourse: Computer-Mediated Communication]. Moscow: Flinta: Nauka.

6. Foucault, M. (1972) *The archeology of knowledge*. London: Tavistock Publications.
7. Fairclough, N. (2003) *Analyzing discourse: textual analysis for social research*. London: Routledge.
8. Mechkovskaya, N.B. (1994) Yazykovaya situatsiya v Belarusi: eticheskie kollizii dvuyazychiya [The Language Situation in Belarus: Ethical Collisions of Bilingualism]. *Russian Linguistics*. 18 (3). pp. 299–322.
9. Golyakhovska, E. (2017) Simvolicheskaya tsennost' i kommunikativnaya funktsiya belorusskogo i pol'skogo yazykov v Belarusi [Symbolic Value and Communicative Function of the Belarusian and Polish Languages in Belarus]. In: *Aktual'nye etnolyazykovye i etnokul'turnye problemy sovremennosti: Etnokul'turnaya i etnolyazykovaya situatsiya: Yazykovoy menedzhment: Yazykovaya politika* [Topical Ethno-Linguistic and Ethnocultural Issues of the Present: Ethnocultural and Ethno-Linguistic Situation: Language Management: Language Policy]. Book 3. Moscow: YaSK. pp. 327–334.
10. Koryakov, Yu.B. (2002) *Yazykovaya situatsiya v Belorussii i tipologiya yazykovykh situatsiy* [The Language Situation in Belarus and the Typology of Language Situations]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Alpatov, V.M. (2000) *150 yazykov i politika, 1917–2000: Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 Languages and Politics, 1917–2000: Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. Moscow: Kraft + Institute of Oriental Studies, RAS.
12. Belova, K.A. (2015) *Internet-diskurs Belarusi v sotsiolingvisticheskom aspekte* [Internet Discourse of Belarus in the Sociolinguistic Aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
13. Barkovich, A.A. (2016) Internetalekt i model' mownay varyatywnastsii: belaruskaya i pol'skaya spetsyfika [Internetlect and Model of Language Variability: Belarusian and Polish Specificity]. In: *Belaruska-pol'skiya kul'turna-mownyya wzaemadachynenni: ad gistoryi da suchasnastsii* [Belarusian-Polish Cultural and Linguistic Interrelationship: From History to the Present]. Minsk: Belaruskaya navuka. pp. 21–27.
14. Crystal, D. (2001) *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Shcherba, L.V. (1974) O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the Threefold Aspect of Linguistic Phenomena and on Experiment in Linguistics]. In: Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka. pp. 24–39.
16. Ramza, T.R. (2015) *Belaruskae gutarkovae mawlenne: fanetychny i leksikagramatychny aspekty* [Belarusian Spoken Language: The Phonetic and Lexical-Grammatical Aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.
17. Norman, B.Yu. (2010) *Russkiy yazyk v sovremennoy Belarusi: praktika i norma* [The Russian Language in Modern Belarus: Practice and Norm]. [Online] Available from: https://rus.1sept.ru/view_article.php?id=201000604.
18. Liskovets, I.V. (2002) Trasyanka: proiskhozhdenie, sushchnost', funktsionirovanie [Trasianka: Origin, Essence, Functioning]. In: *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika* [Anthropology. Folklore Studies. Linguistics]. Vol. 2. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 329–343.
19. Polinskaya, M.S. (1987) Poluyazychie [Semilingualism]. In: Belikov, V.I. (ed.) *Vozniknovenie i funktsionirovanie kontaknykh yazykov* [Emergence and Functioning of Contact Languages]. Moscow: Nauka. pp. 69–73.
20. Barkovich, A.A. (2017) *Informatsionnaya lingvistika: Metaopisaniya sovremennoy kommunikatsii* [Informational Linguistics: Meta-Descriptions of Modern Communication]. Moscow: Flinta: Nauka.
21. Hentschel, G. & Kittel, B. (2011) Yazykovaya situatsiya v Belarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti yazykov v strane [The Language Situation in Belarus: The Opinion of

Belarusians about the Prevalence of Languages in the Country]. *Sotsiologiya – Sociology*. 4. pp. 62–78.

22. Hentschel, G., Zeller, J.P. & Tesch, S. (2014) *Ol'denburgskiy korpus belorussko-russkoy smeshannoy rechi: OK-BRSR. Dokumentatsiya* [Oldenburg Corpus of the Belarusian-Russian Mixed Speech: OC-BRMS. Documentation]. [Online] Available from: <https://www.academia.edu/20546408>.

23. Tsykhun, G.A. (2000) Krealizavany prадukt: Trasyanka yak ab'ekt lingvistychnaga dasledavannya [Creolized Product: Trasianka as an Object of Linguistic Research]. *Arche*. 6 (11). pp. 51–58.

24. Zaprudski, C. (2009) Nekatoryya zawvagi ab vyvuchenni “trasyanki”, abo vyklyki dlya belaruskikh gumanitarnykh i satsyyal'nykh navuk [Some Comments on the Study of “Trasianka”, or Calls for the Belarusian Humanities and Social Sciences]. *Arche*. 11–12. pp. 157–200.

25. Hentschel, G. (2013) Belarusian, Russian, and Belarusian–Russian mixed speech. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 53–76. (In Russian).

26. Barkovich, A.A. (2015) The Study of Computer-Mediated Discourse: The Methodological Aspect. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*. 30. pp. 38–48. (In Russian).

27. Plungyan, V. (2011) *Pochemu yazyki takie raznye* [Why Languages Are So Different]. [Video]. [Online] Available from: <http://www.youtube.com/watch?v=laBfdka20nE>.

28. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-Critical Articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 428–472.

29. Barkovich, A.A. (2016) *Metamownaya kharaktarystyka kamp'yutarna-apasrodkavanaga dyskursu* [Meta-Language Characteristics of Computer-Mediated Discourse]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

30. Yanenka, N.V. (2018) *Varyyantnasts' u geteragennym garadskim mawlenni (na materyyale zapisaw u g. p. Khotsimsku)* [Variability in the Heterogeneous Urban Speech (On the Material of Recordings in Hotimsk)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.

31. Thomason, S.G. (2001) *Language Contact*. Washington: Georgetown University Press.

32. Trudgill, P. (1986) *Dialects in Contact* (Language in Society 10). Oxford; New York: Basil Blackwell.

33. Schilling-Estes, N. (2002) Investigating stylistic variation. In: Chambers, J.K., Trudgill, P. & Schilling-Estes, N. (eds) *The Handbook of Language Variation and Change*. Malden. pp. 375–401.

34. Kibrik, A.A. & Podlesskaya, B.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ushnogo russkogo diskursa* [Stories of Dreams. A Corpus Study of Oral Russian Discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.